

Если бы только деньги росли на деревьях – Русский лесной сектор в переходный период*

Ларс Карлсон, Нильс-Густав Лундгрэн и Матс-Улов Ульсон
Международный институт прикладного системного анализа, Лаксенбург, Австрия

«Россия владеет огромными лесными ресурсами». К сожалению, это распространенное мнение основано на недоразумении. Россия не имеет огромных *лесных ресурсов*, Россия имеет потрясающее воображение *количество лесов*, и два этих термина далеко не одно и то же.

Почему Россия, несмотря на изобилие ее лесов, оказывается неспособной использовать этот дар для обеспечения ее экономического роста и улучшения благосостояния ее народа? Что случилось с ожиданиями, что лесной сектор мог бы стать одним из основных движителей переходного периода к российской рыночной экономике? В настоящей статье мы пытаемся ответить на эти вопросы, рассматривая лесной сектор как пример, и понимая, что процессы, характерные для лесного сектора, существуют и в других отраслях российской экономики.

Очевидно, что однозначного соответствия между количеством природного ресурса и его экономической ценностью не существует. Справедливость этого тезиса подтверждается громадным большинством развивающихся стран, которые часто владеют значительными «ресурсами», но в силу различных политических, организационных и технологических причин эти ресурсы мало что добавляют к улучшению жизненного уровня их народов. Соответственно, и российские леса не являются экономической ценностью только потому, что они существуют. Лесные ресурсы могут стать экономической ценностью только при наличии работающей системы институциональных, организационно-социальных правил, упорядочений и соглашений.

Сказанное выше в полной мере относится и к технологическим проблемам. Всеобщее обновление технологий и техники в лесном секторе не является решением проблемы, несмотря на всеобщность подобного мнения. Без наличия соответствующего институционального порядка в лесном секторе любые технологические инвестиции будут напрасными.

Действительно, леса России огромны. Ее покрытые лесом земли примерно в 3–4 раза превышают таковые в Канаде и простираются через 11 временных поясов. Достаточно ограничиться двумя примерами: России принадлежит 23% мировых лесов и 55% древесного запаса хвойных пород (Nilsson & Shvidenko, 1997). Увы, после почти десятилетнего переходного периода, цифры обескураживают:

* Английский оригинал этой статьи был издан в канадском журнале *Forestry Chronicle* (Хроника Лесоводства), Vol 76, №. 4, июль/август, 2000 г. В 2001 сокращенная версия статьи была издана в журнале *Проблемы теории и практики управления*, (№. 2).

Таблица 1. Заготовка древесины в России (миллионов м³)

	1985	1990	1995	1997	1998
Деловая древесина	271	256	92	66	64
Прочий ликвид	66	48	24	24	18
Всего	337	304	116	94	82

Источник: World Bank (1999).

Глядя на эти цифры, становится очевидным, что «невидимая рука» рыночной экономики еще не коснулась российского лесного сектора никоим ощутимым образом. Например, рассмотрим Архангельскую область, один из крупнейших российских лесных регионов. Здесь лесозаготовки достигли своего максимума в 1987/88 годах на уровне порядка 25 миллионов м³ в год. После этого объем заготавливаемой древесины резко уменьшался, и в 1996 году объем заготовок составлял только 29% уровня 1988 года. Между 1990 и 1996 годами производство ликвидной древесины упало с 19.4 млн м³ до 7.2 млн м³ в год, и в 1994 году производство упало ниже уровня 1940 года (Carlsson *et al.*, 1999). В сущности, аналогичная ситуация наблюдается во всей России. Возникает естественный вопрос – почему это стало возможным и что может быть сделано, чтобы улучшить ситуацию?

Действительно ли это капитализм?

Предполагается, что переход к капитализму и рыночной экономике должен способствовать экономическому росту и улучшению благосостояния. Так почему же это не случается? Давайте сначала спросим, что же это такое в действительности – рыночная экономика, и каковы качественные различия между рыночной экономикой и тем, что происходит сейчас в современной России?

[Рыночная экономика это] экономика, в которой ограниченные ресурсы все (или почти все) распределяются взаимодействием спроса и предложения свободного рынка, в своем большинстве не ограничиваемом правительственным нормированием, фиксированием цен или иным принудительным вмешательством. В классифицировании исторически существовавших экономических укладов, уровень «маркетизации» не является определяющим. Скорее, вопрос заключается в глубине процесса. Чем выше доля товаров и услуг, производимых обществом, которые перераспределяются рыночными процессами (а не правительственными эдиктами или в силу сложившихся традиций и обычаев), тем больше оснований считать такую экономику рыночной... (Johnson, 2000)

Как следует из приведенной цитаты, вопрос о возможном существовании рыночной экономики в российском лесном секторе есть скорее вопрос уровня ее проникновения. Из нее следует также, что очень нелегко судить, действительно ли сектор движется в этом направлении. Переход к чему? – вот в чем вопрос. По необходимости, критерии, которые могли бы быть применимы для оценки такого движения, должны быть достаточно широки. С тем, чтобы действительно квалифицировать экономику как «порядочную рыночную» в противоположность

«грабительскому капитализму олигархов», следующие условия должны быть соблюдены:

- Конституционные права выполняются и являются «прозрачными».
- Структура прав собственности установлена и четко определена (т.е. частные лица могут приобретать собственность или получать права использования собственности в целях получения личного дохода).
- Правила и инструкции, устанавливаемые официальными органами, являются легитимными и применяются одинаково ко всем действующим лицам.
- Рынок определяет цены на собственность и товары, и стоимость может быть определена только рынком.
- Принятие решений в части коллективного выбора и правил действий является децентрализованным.
- Частные инвесторы имеют возможности обеспечить возврат своих инвестиций.
- Установлены правила, предохраняющие природные ресурсы от истощения.
- Установленные законом организации принимают меры против нарушителей правил.

Однако, после изучения лесного сектора в восьми российских регионах (от Хабаровского края на Дальнем Востоке до Мурманской области на Северо-Западе), мы вынуждены прийти к заключению, что многие из этих критериев практически не выполняются (Carlsson, Olsson & Lundgren, 2000). Давайте взглянем на некоторые примеры.

- Почти все предприятия лесного сектора приватизированы, исключая только те, которые принадлежат Рослесхозу, Федеральной службе лесного хозяйства России, и некоторым другим государственным и общественным институтам. Однако, многие компании были приватизированы лишь номинально, и собственность часто остается неясной. Кроме того, в отсутствие эффективной процедуры признания предприятий банкротами и полноценного арбитража, общей в поведении финансово слабых фирм, с тем, чтобы избежать полного разорения, была «продажа» акций компаний для покрытия налогового дефицита или для других общественных платежей. Очевидно без всяких доказательств, что это нивелирует различия между исполнительной властью и «частниками», подлинное разъединение которых является одной из главнейших базовых идей приватизации и рыночной экономики.
- Последние годы продемонстрировали значительное увеличение нерыночных взаимоотношений, таких как бартер. Доля бартера тревожно высока во всей экономике, и в полной мере это относится к лесному сектору. Среди крупных лесных фирм, которые мы интервьюировали, были и такие, которые продавали только незначительную часть своей продукции (порядка 10%) за «живые» деньги. Как общее правило, региональные (областные) и местные (районные) руководящие инстанции вовлечены в эти игры.
- Существуют правила, предписывающие бороться с оскудением лесов, но руководители не имеют средств отслеживать нарушения и добиваться выпол-

нения существующих правил и положений. То же самое в полной мере относится к охране лесов от пожаров, лесовосстановлению, другим важнейшим лесохозяйственным мерам, направленным на охрану, защиту и улучшение лесов.

- Во многих местах установление цен на древесину является откровенным фарсом. Не существует реальной конкуренции, и важнейшие идеи аренды и аукционов гибнут и морально, и фактически. Из этого очень легко сделать вывод, что цены являются искусственно низкими, и соответственно, российская древесина должна быть очень конкурентноспособна на международном рынке. Но, как мы уже отмечали, этого не происходит.
- Хорошо определенные права собственности являются обязательной предпосылкой для эффективно функционирующей рыночной экономики. Однако ситуация становится двусмысленной, как только мы примериваем это положение к России и ее лесному сектору. Кто же все-таки является реальным собственником лесов – Российская Федерация или субъекты Федерации, или они оба? Что случается, если их интересы не совпадают? Например, кто должен приводить в порядок загрязненные территории, регион или федеральный уровень? Многие специалисты обращают внимание на тот факт, что Лесной кодекс России и другие подзаконные документы противоречат Конституции страны. Например, Конституция предусматривает все типы собственности, в то время как частная собственность на леса Лесным кодексом запрещена
- Следующим показателем «недоразвитости» рыночной экономики является низкий уровень инвестиций. Если бы частные инвесторы были уверены, что они смогут реализовать возврат своих инвестиций, уровень инвестиций, особенно со стороны зарубежных инвесторов был бы высок. Однако, это не происходит.

Права собственности и частная собственность – это не одно и то же

Вопрос, кто является законным собственником товаров и ресурсов, не является главным вопросом рыночной экономики. Более важен другой вопрос – хорошо или нет определены права собственности. Право собственности и собственность – это разные понятия. Главный вопрос – как лица, действующие в экономике, реализуют взаимоотношения друг с другом и с ресурсом. «Права собственности – это взаимодействия между лицами, которые возникают из существования ограниченного количества товаров и относятся к их использованию» (Pejovich, 1998:57). Если бы эти отношения формировались только путем однодневных решений, на основе родственных отношений, коррупции, криминала, и т.д., то мир был бы менее предсказуем, предприятия не были бы в состоянии планировать и производить точные оценки необходимых инвестиций, что является существенными факторами рыночной экономики.

Экономическая обоснованность прав собственности зависит от того насколько хорошо эти права осознаны и востребованы обществом, что в свою очередь определяется существующей «институциональной сетью». Эта сеть состоит из множества

формальных и неформальных правил, которые используются *де-факто* множеством действующих лиц. Более точно, институциональная сеть может быть определена «как юридические, административные и базирующиеся на обычаях положения и правила повторяющихся человеческих взаимодействий, [...] господствующая институциональная основа общества состоит из формальных и неформальных правил (Rejovich, 1998:23). Очевидно, что институциональная основа, воздействующая на Российский лесной сектор, обязательно включает большой набор правил.

Подводя итог, можно сказать, что хорошо определенные системы прав собственности и институционального устройства делают мир предсказуемым. Это значит, что экономические и иные деловые взаимодействия становятся дешевле – действительно, бартер, переговоры для получения каких-либо преимуществ, взятки, и т.д. требуют времени и забирают массу ресурсов, которые могли бы найти альтернативное применение. Тем не менее, что значительно более важно, что нездоровая институциональная сфера формирует «короткие тени будущего» (Axelrod, 1984). Бизнес требует взаимопонимания. Например, если менеджер некоторой фирмы уверен, что он будет продолжать взаимодействовать с определенным партнером – скажем, они торгуют друг с другом на основе четко определенных и согласованных правил – он будет вести себя надлежащим образом. Его сегодняшнее поведение будет определять будущие взаимодействия, следовательно, «тени будущего» становятся длиннее. Но если он ожидает, что его партнер может оказаться нечестным, если правила будут внезапно изменены, и если он не уверен выживет ли он экономически, возможно для него лучше действовать так, как будто сегодня является его последним днем в бизнесе.

Этот пример подчеркивает два важных аспекта для понимания сегодняшней российской ситуации:

- 1) Рыночная экономика строится снизу, но не путем политических команд и безусловно не политиками, власть предрежащими.
- 2) Тем не менее, крайне важно наличие активного и эффективного правительства.

Политическая и экономическая история преподает парадоксальный урок, заключающийся в том, что динамический бизнес расцветает на устойчивости. Как это может быть? В рыночной экономике, обычной практикой фирм и других действующих лиц лесного сектора является оценка риска в предполагаемых экономических акциях. Одно из существенных различий между концепциями риска и неопределенности заключается в том, что риск может быть оценен и застрахован. В то время как коммерческий риск может быть предметом торговли и перераспределения, «политический» риск (т.е. риск, определяемый особенностями политической системы) не может быть застрахован. Можно выделить три основные группы подобного риска: разрушение всей политической системы, распад экономики и непредсказуемые действия политической власти.

Хотя все эти три типа политического риска взаимосвязаны, нет сомнения, что именно третий тип формирует основные проблемы современной России. Политический риск «является 'системным' в том смысле, что правила, определяющие экономические взаимоотношения, могут быть отменены или изменены вне всяких принуждающих обстоятельств» (Eliasson *et al.*, 1994:15). Однако, нормальная

предпринимательская деятельность и долгосрочные финансовые соглашения, которые должны существовать в российском лесном секторе, должны побуждать предприятия работать с деловым риском, оценкой последствий неправильных решений, неверных оценок или суждений, а не пытаться застраховать себя от непредсказуемого поведения правительства. Следовательно, «задачей политического руководства является минимизация или устранение политического риска, как средства достижения экономического роста» (там же).

Итак, можно заключить, что до тех пор, пока запутанная или противоречивая система регулирования существует, сопутствуемая нестабильностью или искажением положений и правил и другими явлениями политической непредсказуемости, нерешенные проблемы лесного сектора будут существовать. Следовательно, региональная исполнительная и законодательная власть должны всеми демократическими способами обеспечивать институциональную стабильность и «прозрачность» правил. В конечном счете, только такие меры могут улучшить предсказуемость. Действительно, можно показать, что иногда лучше иметь не очень совершенные, но стабильные и «работающие» правила, чем правила, ладно «скроенные», но часто изменяемые. Обычно от выполнения необязательных правил можно было бы уклониться, но в ситуации, когда все правила находятся в беспорядке, такие возможности тоже ограничены.

Как руководители предприятий и другие коммерческие деятели реагируют на современную ситуацию? Они ведут себя, как и следовало бы ожидать: они отвечают недоверием на недоверие, они неохотно идут на инвестиции, они стараются договориться о снижении налогов или получении других привилегий, они не следуют существующим правилам и положениям. Если откровенно, почему они должны вести себя иначе?

Каков отец, таков и сын?

В течение последних трех лет группа исследователей из Международного института прикладного системного анализа, независимой исследовательской организации, находящейся в Австрии и поддерживаемой 14 своими странами-членами Института, включая Россию, провела исследования лесного сектора в 8 российских регионах. Специально подготовленная опросная форма была заполнена после изучения примерно 250 лесных предприятий. С тем, чтобы иметь возможность для сравнения, аналогичные исследования проводились в шведских фирмах. Таблица 2 содержит некоторые из наших результатов.

Обратите внимание на следующие особенности российских фирм и сравните с таковыми в Швеции:

- В стране с огромным количеством лесов почти половина предприятий испытывает затруднения с древесиной.
- В большинстве предприятий нет инвестиций.
- Большинство предприятий не занимается экспортом.
- Подавляющее большинство предприятий не имеет отношений с банками.

- Хотя цифры кажутся небольшими, они показывают, что по крайней мере половина предприятий вовлечена в бартер.
- Нарушение соглашений является скорее правилом, чем исключением.

Все русские заявляют, что лесные предприятия обычно имеют обширные обязательства по поддержанию социальной сферы, такие как содержание жилого фонда, транспорта для рабочих, содержание медицинских и детских учреждений, обеспечение дровами. Следует однако отметить, что шведские предприятия также вовлечены в этот вид деятельности, но их ответственность иная. Как правило, шведские фирмы занимаются различными видами спонсорства, например, поддерживают спортивные клубы для местного населения, или покупают учебники для местных школ. Несколько крупных шведских компаний обеспечивают жильем некоторых из своих служащих, но никогда не делают этого для всех своих рабочих, как это часто бывает в России.

Представители лесных фирм были опрошены о том, что они рассматривают как причину, наиболее ограничивающую возможности их развития. Поиск рынка *не* был обозначен как большая проблема для русских фирм. Наиболее часто в качестве наибольшего барьера называлась налоговая система. Этот результат очевидным образом отражает наличие хорошо описанных странных черт русской налоговой системы, таких как множество налогов и тарифов, «непрозрачность» системы, драконовская практика санкций. Между 1991 и 1996 годами, налоговый кодекс России менялся 256 раз! Поэтому неудивительно, что налоговая система оценивается как непредсказуемая. Эксперты по налогам оценивают существующий режим санкций как драконовский, с штрафами и пенями порядка 100% за первое нарушение, 200% за второе и т.д. (Rogfalk, 1996). Согласно обследованию, проведенному «Новым российским барометром», 56% населения придерживается мнения, что нет нужды платить налоги, если вы не хотите делать этого. Если это будет обнаружено, 27% уверены, что взятки помогут решить проблему (Rose, 1998). Конечно, существуют и другие препятствия, относящиеся к лесному и предпринимательскому законодательству и обозначенные русскими и шведскими фирмами.

Когда мы спрашивали о предложениях, которые, вероятно, могли бы улучшить ситуацию, как русские, так и шведские менеджеры называли уменьшение налогов и изменения в законодательстве. Следует, однако, заметить, что существующее лесное законодательство оценивалось, как более значительная проблема скорее шведскими, чем российскими руководителями предприятий. Из их комментариев становится очевидным, что шведские руководители воспринимают строгость природоохранного законодательства как большую проблему. Однако это различие во мнениях иллюстрирует только тот факт, что шведская институциональная система является «прозрачной» и хорошо определенной, что соблюдение законов оперативно отслеживается, и правила, определяющие санкции, работают хорошо. К тому же, следование правилам также высоко. Поэтому в глазах отдельных шведских предпринимателей, природоохранные статьи являются ограничителем их доходов.

Таблица 2. Результаты обследования лесных предприятий в России и Швеции.
Данные в процентах.

	Россия N=221	Швеция N=24
Тип предприятий		
Лесохозяйственные	8	8
Лесозаготовительные	24	4
Деревообрабатывающие и лесозаготовительные	25	33
Целлюлозно-бумажные	4	4
Торговые/консалтинговые	8	17
Форма собственности		
Государственные и общественные	24	29
Приватизированные	42	0
Новые частные	34	71
Наличие инвестиций		
Да	36	85
Нет	64	15
Ответственность за социальную сферу		
Да	54	83
Нет	46	17
Уровень экспорта продукции		
Высокий (выше 40%)	24	21
Низкий (меньше 40%)	10	4
Нет экспорта	66	75
Отношения с банками?		
Да	17	82
Нет	83	18
Снабжение древесиной		
Достаточное	56	78
Имеются трудности	44	22
Метод взаиморасчетов при продажах		
Деньги	56	100
Бартер и деньги	44	0
Условия оплаты		
Одновременно с поставкой	37	0
Предоплата	48	4
После поставки	4	96
Смешанная	11	0
Нарушения условий продаж покупателем		
Большие	44	0
Небольшие	30	4
Нет нарушений	26	96
Нарушение условий продаж продавцом		
Большие	59	0
Небольшие	23	12
Нет проблем	36	88

Наконец, приблизительно 20% российских фирм требуют кардинального обновления технологий, и примерно столько же считают, что государство должно координировать лесной сектор. Действительно, имеется определенное количество российских фирм, которые открыто высказывают желание снова вернуться к государственной собственности. Это может быть интерпретировано как свидетельство

того, что разрушение советской системы управления не сопровождалось созданием альтернативного и хорошо работающего механизма организации лесного сектора, который базировался бы на рыночных экономических принципах. В ситуации хаоса и не работающего рынка призывы к централизованной формальной координации понятны.

Что, если экономика является виртуальной?

Мы заявили, что российский лесной сектор – и, вероятно, многие другие сектора – имеют очень немного черт, ассоциирующихся с эффективно работающей рыночной экономикой. Но социализм ушел, и советское государство демонтировано. Так ли это? Если Россия не является ни капиталистической, ни социалистической, что же она такое? Ответ заключается в том, что лесной сектор в своих главнейших проявлениях отражает тот факт, что российская экономика в целом – как ее называют некоторые эксперты – является *виртуальной*:

... она построена на иллюзиях почти относительно каждого важного показателя: цены, торговля, налоги и бюджет. Сердцевиной этих иллюзий является претензия на то, что экономика является намного более мощной, чем она есть в действительности. Эта претензия предопределяет значительно большее управляющее чиновничество и большие расходы, чем Россия может себе позволить. Именно это является истинной причиной, стоящей позади паутины зарплат, поставок, налоговых недоимок, из которой, кажется, Россия не может выкарабкаться самостоятельно (Gaddy и Ickes, 1998:1).

Такая экономика может функционировать только в том случае, если ее изолировать от рыночной конкуренции. Это может быть осуществлено, например, путем интенсивного использования бартера, который эффективно разрушает цены, базирующиеся на рынке, и позволяет использовать фиктивные цены на товары и услуги, ничего общего с рыночной стоимостью не имеющие. Такая практика создает видимость создания стоимости, в то время как промышленность по существу может выступать в качестве разрушителя стоимости. Следовательно, если это допущение правильно, в России сегодня идет накопление неработающих рабочих, бюрократов и других. И все это, конечно, в полной мере относится к лесному сектору.

Позвольте привести пример – почему нет инвестиций в российские фирмы, что могло бы уменьшить «расстояние» к конкурентному рынку? Из-за отсутствия средств? Недостатка рынка? Плохого управления?

- Нет, ибо если кто-то «сидит» на хороших ресурсах и имеется потенциальный рынок, деньги найдутся. Эти деньги могли бы быть использованы для инвестиций, с тем, чтобы создать больше ресурсов и, следовательно, заработать больше денег.
- Теория виртуальной экономики начинается с предпосылки, что менеджеры российских предприятий поступают рационально, но что они определенно намерены продолжать деятельность своих фирм, даже если они не являются прибыльными.

Ответственность за социальную сферу, как часть деятельности российских лесных предприятий, – тоже часть объяснения. Бартер, «замещение» налогов и другие нерыночные решения являются широко распространенными в деятельности предприятий. Дополнительно, отсутствие действенной системы признания фирм банкротами и арбитражных решений способствуют отсрочке «созидательного разрушения» предприятий в том смысле, который крупными теоретиками рынка рассматривался как одна из главнейших движущих сил рыночной экономики. Итак, фирмы продолжают создавать продукцию, хотя она и не продается за деньги. Такое производство ведет к созданию «квази-продукции», которая может быть объектом торговли только в виртуальном «квази-рынке», а не в истинном коммерческом рынке.

Большинство российских фирм должны преодолеть большие расстояния, прежде чем они найдут спрос на конкретных рынках лесоматериалов. Почему же тогда менеджеры избегают реструктуризации своих предприятий? Их первым стремлением должно бы быть инвестирование, с тем чтобы создать более эффективное производство, но, как отмечалось выше, это не происходит. Иным возможным решением, в полном соответствии с теорией виртуальной экономики, является вложение денег в «капитал взаимоотношений», например, для оказания услуг местной власти, в переговоры с целью получения привилегий, и т.д.

Путь, который выбирают фирмы в части инвестиций – вкладывать ли капитал в сферу личных отношений или в реальное производство – зависит часто от того, насколько велик исходный или унаследованный капитал, находящийся в их владении. В целом, менеджеры будут просто предпочитать вкладывать деньги в то, что является более доходным, и очевидно, что советская лесопромышленная система, разрушенная в 1991 году, оставила весьма богатую основу для применения «капитала взаимоотношений», приносящего явный доход.

Слабый свет на лесной опушке

В наших попытках оценить, как глубоко увязли лесные предприятия в эти игры, мы пришли к заключению, что только 12 из 203 фирм ведут себя как нормальные рыночные деятели. Пока 60–70% фирм глубинно связаны с виртуальной экономикой, и их поведение имеет мало общего с коммерческой деятельностью. Этот тревожный факт отчетливо свидетельствует, что остаточные черты советской системы пока оказывают существенное влияние на экономическое поведение.

Существование виртуальной экономики возможно лишь в том случае, если она поддерживается притоком денег из крупных государственных монополий, которым выгодна нынешняя карусель. Далее, есть только одна возможность поддерживать эту систему – до тех пор пока политические лидеры всех уровней управления участвуют в этой игре. Здесь мы должны еще раз вспомнить, что в рыночной экономике *«одной из главных задач политического руководства является минимизация или устранение политического риска, что является средством достижения экономического роста»*. Увы, в настоящее время в России это осуществляется с точностью наоборот. И если ничего не изменится, новые поколения предпринимателей и руководителей бизнеса будут имитировать и приспосабливать поведение

своих предшественников. Как результат, дорога к здоровой рыночной экономике может превратиться в бесконечный объезд.

Что должно быть сделано?

Нет легких путей, которые решили бы все эти проблемы немедленно. Давайте подойдем к ним следующим образом – различные подходы должны быть использованы на разных уровнях.

Конституционный уровень:

- Все двусмысленности, связанные с правами собственности должны быть устранены. Должны быть ликвидированы несоответствия, существующие между конституцией и нижележащими уровнями правового обеспечения. Необходимо разрешить различные типы собственности; конечно, это не значит, что леса должны быть непременно приватизированы. Обращая внимание на конституционные аспекты, нельзя забывать тот факт, что ряд политических проблем (например, роль и взаимоотношения парламента и президента, как и многие макроэкономические вопросы) должен быть решен, если мы хотим видеть основания для развития здорового лесного сектора. Но, если конституционные правила по-прежнему будут непрерывно и непредсказуемо меняться, то даже говорить будет не о чем.

Уровень коллективного выбора:

- Необходимо разработать федеральные и региональные программы, которые бы соответствовали рыночным принципам. Определяюще важно, чтобы такие программы не базировались на идеях политического или административного управления деловой деятельностью.
- Должна быть проведена глубинная реформа налоговой системы. Вся система налогов и выплат, а не только отдельные ее положения, должна быть упрощена, сделана более прозрачной и, как следствие, введена в жизнь.
- Политики и бюрократы должны быть отстранены от прямого участия в деятельности отдельных предприятий. Как правило, политики и бюрократы не должны вступать во владение и поддерживать фирмы, которые нежизнеспособны.
- Все демократические средства должны быть использованы, чтобы внедрить закон и порядок.
- Посредством рациональной кредитной практики банки и другие кредитные учреждения должны поощрять предпринимательство, экспорт и создание совместных предприятий с зарубежными компаниями.
- Лесные предприятия должны создавать свои собственные независимые отраслевые организации с тем, чтобы разрабатывать и внедрять взаимобязывающие соглашения относительно правил деятельности и стандартов, и в этом смысле руководить деятельностью предприятий в лесном секторе.

- Вливание денег в лесной сектор со стороны «процветающих» государственных монополий должно быть прекращено. Это должно привести к закрытию разрушающих рынков «экономических зомби».
- Необходимо иметь более эффективную систему признания предприятий банкротами и арбитражных судов.
- Должна быть развита эффективная система образования и повышения квалификации для людей с целью изучения новых задач и технологий; такая система достигает максимального успеха тогда, когда обеспечивается возможное разнообразие средств и методов, как и полная демократизация всего процесса.

Уровень предприятия:

Конституционные и общественные (коллективные) решения определяют «степени свободы» фирм. Но это не значит, что предприятия должны бездельничать и ждать новых времен. Многого может быть сделано:

- Учиться у других; хорошие примеры имеются. В 1999 году были отмечены положительные сдвиги в лесном секторе. Если это, как многие эксперты полагают, не является только краткосрочным эффектом девальвации рубля, каждая фирма должна спросить: в чем причина, как те фирмы смогли преуспеть?
- Фирмы должны увеличивать свои усилия по расширению производства.
- Уделять больше внимания экономике и меньше – инженерии. Большинство крупных лесопромышленных предприятий переполнены инженерами и другими управленцами. Но лимитирующим звеном является, главным образом, недостаток деловой компетенции, например в таких звеньях, как управленческий расчет и промышленный маркетинг.
- Образовывать и развивать рабочую силу (учиться английскому языку, современным методам делового расчета, качественному управлению и т.д.). Аналогично, хорошее поведение должно поощряться, деловая этика должна быть предметом особого внимания и уважения, и лидеры бизнеса должны служить моральным авангардом.
- Наконец, для больших промышленных предприятий вертикальная интеграция может оказаться весьма доходной. Компании могли бы, например, создавать свои собственные заготовительные подразделения и создавать свои собственные транспортные фирмы. В нынешней ситуации нерешенных прав собственности, временных правил и иррациональных транспортных цен, вертикальная интеграция могла бы быть действенным решением. В этот способ менеджеры обрабатывающих предприятий могли бы лучше осуществлять контроль над деловым взаимодействием и уменьшить общую стоимость. Это «решение» оправдывается отсутствием жизненного рынка лесоматериалов. При других экономических обстоятельствах такая интеграция может даже затруднять взаимодействие и увеличивать стоимость продукции. Любой координационный и интеграционный процесс должен быть результатом *собственных* решений компаний. Эти решения не могут быть внедрены, если старые политические структуры будут довлеть над лесным сектором.

Россия имеет достаточно сил, чтобы решить свои собственные проблемы

Поскольку эта статья написана «иностранными специалистами», которые не знают всех деталей «российской действительности», мы не верим, что зарубежный опыт в состоянии изменить ход российского «супертанкера». Институциональная ситуация, достаточная для развития лесного сектора, должна быть создана внутри России и самой Россией, руководителями предприятий, политиками, лесными управляющими и другими заинтересованными лицами. Как много раз раньше в своей истории, россияне должны выбрать свой собственный путь в будущее сами. Действительно, возможности, представленные *перестройкой*, привели к такому новому перекрестку.

Использование преимуществ этой возможности требует, однако, чтобы те, кто собирается их использовать, осознали в полной мере все сложности, упомянутые в этой статье. В частности, многие из тех, кто оперирует сейчас в виртуальной экономике, должны понять и свою собственную роль в этой драме.

Иногда действующие лица виртуальной экономики громко сетуют на современное положение дел, высказывая пожелания о лучшей организации бизнеса. Увы, это типичный случай собки, хватающей себя за хвост. Ибо жалующиеся сами часто вносят свой вклад в проблему. Конечно, имеются и другие, кто понимает современную ситуацию, кто стремится улучшить положение и кто знает, как это надо делать.

Мы уверены, что все ключевые участники должны выяснять все проблемы в честной и открытой дискуссии, и приходиться к рациональным предложениям, управленческим и политическим рекомендациям, конкретным решениям как на ближайшую, так и долгосрочную перспективу. Подобного рода «политические дискуссии» должны быть организованы таким образом, чтобы обеспечить открытое обсуждение и взаимопонимание среди всех держателей и пользователей леса, заинтересованных групп и научных кругов. В этих обсуждениях иностранные эксперты могут представить результаты своих исследований. Их понимание современного управления лесами на Западе может способствовать российскому процессу, и в конечном счете помочь российскому лесному сектору работать более эффективно.

References

- Axelrod, Robert (1984) *The Evolution of Cooperation*. New York: Basic Books.
- Carlsson, Lars, Nils-Gustav Lundgren, Mats-Olov Olsson and Mikhail Yu. Varakin. (1999). *Institutions and the Emergence of Markets, Transition in the Arkhangelsk Forest Sector*. IIASA Interim Report (IR-99-021). Laxenburg, Austria: International Institute for Applied Systems Analysis.
- Carlsson, Lars, Mats-Olov Olsson & Nils-Gustav Lundgren (2000) *Why is the Russian Bear Still Asleep After Ten Years of Transition?* IIASA, Interim Report (IR-00-19). Laxenburg, Austria: International Institute for Applied Systems Analysis, March.

- Eliasson, Gunnar, Tad Rybczynski & Clas Wihlborg (1994). *The Necessary Institutional Framework to Transform Formerly Planned Economies – with special emphasis on the institutions needed to stimulate foreign investment in the formerly planned economies*, The Industrial Institute for Economic and Social Research, Stockholm: Almquist & Wiksell International.
- Gaddy, Clifford & Barry W. Ickes (1998). Russia's Virtual Economy. *Foreign Affairs*, Vol. 77, No. 5, September/October, pp. 53–67.
- Johnson, Paul M. (2000) *A Glossary of Political Economy Terms*.
<http://www.duc.auburn.edu/~johnspm/glossind.html> (13 January, 2000).
- Nilsson, Sten & Anatoly Shvidenko (1997). *The Russian Forest Sector; A Position Paper for The World Commission on Forests and Sustainable Development*. Paper presented at the WCFSD Meeting in St. Petersburg, Russia, 23–24 September 1997. URL: <http://iisd1.iisd.ca/wcfSD/russia.htm> (13 December 1999).
- Pejovich, Svetozar (1998). *Economic Analysis of Institutions and Systems*. London: Kluwer Academic Publishers.
- Rogfalk, Mats (1996). *The Taxation System in Russia, With the Aim of Development*. Draft report, 1996-12-17, Moscow: Ministry of Finance, Swedish-Russian Cooperation Project (in Swedish).
- Rose, Richard (1998). *Getting Things Done in An Anti-Modern Society: Social Capital Networks in Russia*, Studies in Public Policy 278, Glasgow: Centre for the Study of Public Policy, University of Strathclyde.
- World Bank (1999). Market-based Approaches to Forest Management, Utilization and investments in Russia. By Jounki, Leo & Kauko Parviainen. In *Second Report of Working Group No. 3(I) to the Forestry CEOs Forum, November 2, 1999*. Washington: The World Bank, <http://www.worldbank.org/forestry> (13 January 2000).